

Грязь и пыль смешивались с водой, образуя грязевые лужи, которые разбрызгивали мутную жижу на прохожих. Из этой группы из семи человек выделялся один молодой мужчина: его белая одежда была полностью покрыта черной грязью, а золотые украшения на ней потускнели и поломались.

По обеим сторонам дороги стояли плотные толпы людей, которые непрерывно кричали, выражая своё недовольство.

Проходящий мимо торговец с удивлением наблюдал за этой сценой и, встав за толпой, тихо спросил:

— Что здесь происходит? Разве тот, кто идет в центре, не сын правителя города Лабу, маленький правитель?

— Эх, ты разве не знаешь? Цан Цзе умер от болезни, а его старший брат Цан Дуань, воспользовавшись своим влиянием, захватил трон у Цан Хэ...

— А сейчас что происходит? — торговец в шляпе с недоумением посмотрел на процессию и задал вопрос.

Низкорослый местный житель протянул руку. Поняв намек, торговец достал из кармана монету-нож и оживительно посмотрел на него.

— Всё просто. Цан Дуань хочет убить Цан Хэ, но не хочет, чтобы его обвиняли в том, что ради власти он забыл о дружбе, которая связывала их с тех пор, как они вместе превратили племя в нынешний город Лабу. Поэтому он решил сначала изгнать Цан Хэ. Хотя, кто знает, действительно ли это изгнание? Ведь после изгнания, если кто-то убьет маленького правителя, то убийца останется безнаказанным. Мертвые не могут жаловаться, а те аристократы, которые поддерживали Цан Хэ, вряд ли станут мстить Цан Дуаню.

Лицо Цан Хэ, обычно бледное, теперь было почти мертвенно-бледным, и на нем читалась легкая грусть. Он обернулся, чтобы в последний раз взглянуть на ворота дома правителя, и сжал кулаки.

— Это я тебя подвел. Неизвестно, сможем ли мы выбраться живыми. У тебя от природы невероятная сила, и ты ловок. Если будет возможность, беги один, не думай обо мне. Цан Дуань обязательно пошлет людей убить меня, как только я выйду за пределы города...

В его глазах отразился высокий силуэт — это был Хэй Сюн, которого он спас в снегах. После спасения они вместе добрались до города Сянсуй, а затем перебрались в Лабу. Изначально они планировали пережить зиму и затем отправиться с торговым караваном в сторону племени Яньи. Но неожиданно в Лабу произошла смена власти, и, чтобы защитить юношу, который спас ему жизнь, Хэй Сюн прошел через множество испытаний. Теперь, оказавшись в плену, он понимал, что противостоять целому городу ему не под силу.

Хэй Сюн наклонился к Цан Хэ и прошептал ему на ухо:

— Ты спас меня, и я не позволю тебе умереть. Сколько бы людей ни прислал Цан Дуань, я убью их всех.

— Сейчас я всего лишь изгнанник, и будущее туманно. Разве ты не говорил, что хочешь вернуться... вернуться в племя? Пока еще есть время, беги.

— Я вернусь, но не сейчас, — Хэй Сюн посмотрел в сторону, откуда они пришли, и положил правую руку на грудь.

Он беззвучно произнес:

«Огонь Яньи бесконечен, и пламя его охватит равнины».

Увидев величие городов, испытав на себе мощь оружия и ужас железных всадников, Хэй Сюн потрогал единственный костяной нож, оставленный ему Юэ Линем. Белая рукоять ножа слегка потемнела, а лезвие, когда-то острое, теперь затупилось от долгого отсутствия заточки.

— Хлещ!

Плеть со свистом ударила по спине Цан Хэ. Чернолицый человек, возглавлявший процессию, злорадно усмехнулся и язвительно сказал:

— Господин Цан, ты все еще думаешь, что ты тот самый высокомерный маленький правитель? Как только мы выйдем за ворота Лабу, тебе будет не до смеха!

Хэй Сюн поддержал Цан Хэ и холодно посмотрел на чернолицего. Его взгляд был лишен ненависти, словно он смотрел на мертвеца.

Чернолицый солдат, почувствовав мороз по коже, снова со всей силы ударил плетью, но на этот раз она угодила в Хэй Сюна.

Проклятый ублюдок!

Цан Хэ прикрыл рану на руке и, глядя на чернолицего солдата, насмешливо сказал:

— Кто это тогда ползал на коленях и лизал мою подошву, умоляя о пощаде?

Чернолицый солдат, услышав, как вспоминают его прошлое, смутился, а несколько его товарищей еле сдерживали смех. Да, все знали, что он когда-то лизал подошву. Всего лишь изнасиловал маленькую рабыню, а этот мерзавец хотел его убить.

Яо Лянь скривил губы:

— Ну и что! Тогда я лизал твою подошву, но я жив, а сейчас я буду наблюдать, как ты умрешь, и сам буду жить хорошо. И я тебе говорю, я буду и дальше насиловать тех девчонок, посмотрим, что ты мне сделаешь!

Цан Хэ лишь холодно фыркнул, не удостоив Яо Ляня ответом, и продолжил идти, опираясь на Хэй Сюна.

— Не бойся, я выведу тебя отсюда. Доверься мне, — Хэй Сюн, сохраняя ледяное спокойствие, бросил угрожающий взгляд на Яо Ляня и успокоил Цан Хэ.

С неба моросил дождь, капли падали на лица. Вдруг Хэй Сюн заметил вдалеке группу рабов с черными татуировками — это были характерные узоры племени Лэйху, расположенного недалеко от Яньи. Хэй Сюн глубоко вздохнул.

Я обязательно вернусь.

Ворота Лабу были построены из серо-черных каменных плит. Над высокими воротами были

вырезаны иероглифы «Лабу», выполненные в рельефной технике.

Цан Хэ подошел к воротам и в последний раз взглянул на город, который он знал как свои пять пальцев. Он вырос здесь, и еще до его рождения это место было всего лишь большим племенем. Он стал свидетелем того, как Лабу превратился из племени в город. Его отец и дед изменили это место. Глядя на молодой город, Цан Хэ почувствовал, как что-то тяжелое сдавило его грудь.

Он взял лошадь под уздцы и сел в седло, бросив последний взгляд на Яо Ляня и других жителей Лабу, стоявших внутри ворот. Эти лица были ему слишком знакомы.

Впереди была долгая дорога, неизвестно куда ведущая.

Позади — бесконечная погоня.

Куда идти?

Куда повернуть?

Цан Хэ горько усмехнулся и посмотрел на единственного человека, оставшегося с ним рядом. Этот мужчина был высоким и крепким, его сильная рука поддерживала Цан Хэ.

— Не бойся, я с тобой. Шаман защитит нас.

Шаман, я вернусь. Жди меня.

Шрам от глубокого ранения на руке Цан Хэ привлек его внимание. Услышав слова Хэй Сюна, он слабо улыбнулся.

Звезды рассыпались по небу, делая его выше и просторнее. Под бескрайним небосводом два всадника мчались по дороге, а за ними гнались семь или восемь мужчин с луками и мечами.

— Боишься? — высокий мужчина улыбнулся и спросил своего молодого спутника. У того были красивые руки, тонкие и изящные, но сейчас они были покрыты кровью.

Цан Хэ посмотрел на Хэй Сюна и кивнул. В его решительном взгляде не было ни тени страха, только твердость:

— Не боюсь.

Вдалеке виднелась армия, за которой шли связанные рабы. Очевидно, это были войска из Сянсуя, захватившие людей из племен в рабство.

Хэй Сюн посмотрел на Цан Хэ, затем на приближающихся убийц и сказал:

— Следуй за мной, мы прорвемся.

— Хорошо!

Несколько солдат, возглавлявших погоню, злорадно ухмыльнулись:

— Откуда эти двое слепцов, которые осмелились напасть на нас?

— Не то!

Вдалеке послышался ровный гул копыт, и командир, нахмурившись, крикнул:

— Оружие наготове! Внимание!

— Вражеская атака!

...

Высокая трава поднималась до икр, а вдалеке цветы источали тонкий аромат, грациозно покачиваясь на ветру. Весеннее солнце светило ярко, и люди племени Яньи провожали своих у ворот. Чи Чжань держал в руках новую карту, а рядом с ним стоял Бай Му, на спине у которого висели большие и маленькие сумки. Его милое личико покраснело от волнения.

Шао Линь, Янь Ху и еще десяток воинов были в этой группе. Среди них были лучшие бойцы племени Яньи, включая огромного, как башня, Лин Та. Лин Та стоял в толпе, простодушно улыбаясь, и смотрел на Юэ Гуан и ребенка, которого она держала на руках. У малыша уже отросли волосы, а большие круглые глаза делали его очень милым.

<http://bllate.org/book/16442/1491263>